

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ СЦЕНЕ

Я ПЕРЕБИРАЮ пожелтевшие вырезки из газет и думаю о том, как трудно быть актером. Несколько месяцев ты готовишь роль, живешь ею, мыслями и поступками своего героя. Яркой вспышкой магния мелькнет премьера, иногда несколько строчек в рецензии. А потом спектакль сходит со сцены и помнят его кроме ветеранов театра лишь театралы — городские старожилы.

Но попробуйте предложить кому-нибудь из артистов, уже переступивших возрастной порог, дающий право на пенсию, попробуйте предложить им уйти на пенсию — ни за что не согласятся да еще обидятся. И будут правы. Потому что театр для них — сама жизнь. Радостная и трудная, светлая и горькая, но единственно возможная.

Народная артистка Казахской ССР Любовь Яковлевна Майзель не является исключением из этого правила. Десятки ролей — первого плана и эпизодические, различные характеры — крупные и сильные, как игуменья Меланья в горьковском «Егоре Булычеве» или Меропа Мурзавецкая в «Волках и овцах» Островского, мелкие и цепкие, как спекулянтка Тузикова в «Барабанщице» Салынского или торговка Бобова в «Фальшивой монете» Горького, и многие, многие другие — эти десятки жизней, прожитых актрисой в театре, сливаются в одну большую, нелегкую, но радостную жизнь, ибо отдана она единственному родному делу — сцене.

Многих спектаклей, в которых Любовь Яковлевна играла, я не видела. Но в пожелтевших страничках рецензий ее фамилия вспоминается часто: Мадам Ксидиас в «Интервенции» Л. Славина, Дунька, «рвущаяся в Европу», в «Любови Яровой» К. Тренева, Кабаниха в «Грозе» Островского — каждая из этих работ вписала яркие и впечатляющие страницы в историю Республиканского русского театра драмы имени М. Ю. Лермонтова.

Любовь Яковлевна Майзель хорошая характерная актриса, актриса, свободно владеющая арсеналом всех приемов, а главное — вздумчивый, глубокий, человек. Ей часто приходится играть роли чем-то похожие, но актриса всегда находит такую линию поведения, такие «приспособления», как говорят актеры, что ее героини не похожи друг на друга. Не будем углубляться в далекое прошлое за примерами. Только в двух-трех последних сезонах Любовь Яковлевна показала совершенно разные работы.

Евдокия Николаевна в «Днях нашей жизни» Л. Андреева — страшная, изувеченная жизнью, жалкая женщина, вызывающая не жалость, но отвращение, женщина, продающая дочь. И властная, хитрая, жадная игуменья Меланья в пьесе Горького «Егор Булычев и другие». Лина Розе в «Физиках» Ф. Дюрренматта, надорванное сентиментальное, и вместе с тем, очень практичное существо — и жестокая, фанатичная хозяйка рода Ханикей в «Абае» М. Ауэзова и Л. Соболева.

Меропа Давыдовна Мурзавецкая в «Волках и овцах» по человечески значительна. Актриса не шаржирует, она по-своему уважает этот сильный характер, губящий и развращающий все лучшее и светлое в душах окружающих во имя своей безраздельной власти. Но уважая силу Мурзавецкой, артистка одновременно и выносит ей приговор.

Любовь Яковлевна умеет создавать на сцене не только отрицательные сильные или слабые характеры. Ее Ламбрини Кирьякулис в «Острове Афродиты» Парниса — человек глубокого мужества, большой духовной силы и справедливости. Сродни этому и другой характер, сыгранный Майзель — Марфа Петровна в «Русских людях» Симонова. Обе эти роли исполнены с большим душевным тактом и любовью к своим героиням — патриоткам.

Образ матери Джордано Бруно в одноименном спектакле по пьесе О. Окулевича — роль в общем-то эпизодическая. Но все, что помнят этот спектакль, запомнили и трагическую обезумевшую старуху, не узнающую сына в поседевшем человеке...

Коммунистка Майзель долгое время была секретарем партийной организации театра, и сейчас она — член партбюро театра.

Недавно народной артистке Казахской ССР Любви Яковлевны Майзель исполнилось 60 лет. Именно в этот день она играла в последней премьере русского театра драмы — «10 суток за любовь», водевиле с пением и танцами. Играла легко, весело, познакомя нас с чудаковатой Анной Петровной, «активисткой-пенсионеркой, со всеми вытекающими отсюда последствиями».

В шуточном поздравительном стихотворении, подаренном ей в тот вечер от имени коллектива, написали —

...честно отданная сцене

жизнь — это самый редкий клад.

Она поистине бесценна...

И это правда, Любовь Яковлевна отдала жизнь сцене нашего театра. А театр — он для людей, он немислим без зрителей, тех, чье дыхание в темном зрительном зале согревает артистов, являясь для них самым чутким барометром.

Жизнь, отданная сцене — это жизнь, отданная людям. А это наверное, самое главное для артистки.

Р. ТАМАРИНА.

ОТ
Г. АЛМА-АТА

4. МАЯ 1960